

Откровение

АЛЕКСАНДР ГОЛОБОРОДЬКО В СПЕКТАКЛЯХ КРЫМСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ ГОРЬКОГО.

ГОЛОБОРОДЬКО — как взрыв посредине тишины. Выходит немощным и нелепым Федором — не царствовать ему, не государством российским править, музыку ангельскую слушать, не бывает таких монархов — и оглушает. Тихостью своей. Совестью: с волками по-волчьи — не для него — для Годунова Бориса, для Шуйского, не для большой новости, ранимой (или раненой?) все эти интриги вселенские, возня из-за влияния, за престол битвы.

Все это — вне, над, а не в нем. А в нем — сознание (и в этом осознании его трагедия!) своей несовместимости с окружающим его. С окружающими. Это уже история рассудит, кто прав — он или они. Да и правота ли мерило? Не правотой они побивают, рефлексивностью своей, комплексами своими — вины и неполноценности: ведь знает, что слаб, немощен и мается оттого, и совестью мучается. Ну, а исторически они, конечно, оптимальнее его, они правомочнее в своем существовании.

Как ходит Голобородько в своем Федоре, как тело свое носит: каждый шаг ему страдание причиняет, — как морщится болезненно от соприкосновения с теми, которые вне его, которым и

неведомо вовсе, что душа тоже боится может.

Дух, материализуясь в нем, в провод под током превращается. Оттого Голобородько весь — нерв, весь — страдания. Для него и жить-то страдание. Так жить. А иначе он не может. Несвоевременна эта его рефлексия (бывает ли — своевременная?) — времена смутные, да и твердого государя Русь требует, а тут такое: «Встаньте, встаньте!» — испуганно — панический возглас царя, не умеющего видеть, как перед ним на коленях близкие ему стоят (и тем неожиданный!) — вдруг бунт: «Я царь или не царь?»

Это потом он снимает, устанет вдруг от себя самого — такого. Повелевать, царствовать — не он это, только перевоплощение его, слабого и безвольного, в грозного и сокрушающего, а потом вдруг, внезапно, устав от этого маскарада, он становится собой — так ему легче, естественней. Снова станет добрым и доверчивым, ну сущий князь Мышкин...

ГОЛОБОРОДЬКО так в самую сердцевину своего Федора проникает, что моментами кажется, нет царя, нет Федора на сцене, есть дух большой и надломленный, есть идея, абстракция безвольного начала, удивленно-отрешенного «зачем я?» И счастлив актер, которому удастся вот так вот сыграть **духовность**, с таким ювелирным тщанием оттенки этой духовности (вплоть до мельчайших!) передать.

И не пал вовсе в Угличе жертвой интриг юный царевич Дмитрий, — это он понарошку, притворился мертвым — ведь ходит он, ходит по сцене, только в другой ипостаси — царя Федора, ибо нет меж ними различия: большой и несчастный ребенок, по ошибке выросший, и ребенок в Угличе с роковой печатью обреченности.

Но только не притворялся мертвым царевич Дмитрий, это по нему так надрывно тоскует царь Федор: «Иринюшка, ведь мы с тобой бездетные, за сына он

мне был». И дальше: «Как думаешь, успел ли иринушка получить, которые я ему послал?» (цитируется по памяти, не дословно).

Он и по земле-то ходит, будто извиняясь за сам факт своего существования, и одежду свою царскую носит как рубище. И на трон садится боком, скраешку, ибо неумогу ему ноша царская. Постыло ему делами и государством править: не его это, не умеет он.

«Зачем я царь?!» — апогей, кульминация его трагедии. Возглас Голобородько внутренней, отчаянный. Недоуменный: за что наказание такое — царем быть, если кругом так много крови, страданий, а гармония души и покой недосыгаемы.

МЕСЛИ акварельно прозрачен Федор, то Ричард III — Голобородько — это негатив печального русского царя. Это уже графика. И если в «Царе Федоре» он оглушает своей тихостью, то в роли английского герцога Глостера, этого злодея

из шекспировской исторической хроник, он дерзновенно шумен и яростен.

Голобородько играет своего герцога сокрушающе смело: такие коварство и подозрительность, вероломство и жестокость не предполагают, не потерпят для своей передачи иной манеры исполнения, ибо они ведь не сами по себе, они ступок, концентрация, они высокая (или низшая?) точка, они — пик злодейства.

ГОЛОБОРОДЬКО актер очень четкой мысли: его акцентировка всегда пристрастна, всегда освещена точным внутренним видением.

Ричард не мрачный мизантроп, Ричард — страшнее. Глостер одержим одной страстью: он должен властвовать, а все, что окружает его, — либо пошеха к власти, либо может стать ею. А коль скоро это так (а в воспаленном мозгу Глостера это именно так) значит, надо крушить, уничтожать, убирать с пути. И есть что-то от брехтовской эстетики «Нарьеры Артура Уи» в

шекспировской хронике крымчан, есть что-то от бесноватости в самом Ричарде III...

А ПОТОМ, через несколько театральных вечеров, он превратится в обаятельного и изящного испанца Альдемаро в «Учителе танцев» Лопе де Вега. И будет весело плутовать и, плутова, походя (как не навязчив и небрежно изящен этот учитель танцев!) влюблять в себя младшую дочь богатого испанского дворянина. И будет, играючи, легко танцевать зажигательные испанские танцы, будет фехтовать, разя шпагой и острым языком своего «соперника».

ОН ОЧЕНЬ ярок, этот актер. Ярок и современен. И если, как сейчас принято говорить, критерием современной манеры исполнения является «нerv», то у Голобородько он не зашлицен, как оголенный электрический провод.

Э. ЗЕЛЬДИНА.